Отработанные

Виталий Каплан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дружеская пародия на С. Лукьяненко. Написано в 1999 году.

- Виталий Каплан
  - 1
  - 2

Виталий Каплан
ОТРАБОТАННЫЕ

1

Солнце, огромное, налившееся тусклой багровостью, падало за горизонт. За ту неразличимую линию между морем и небом, которая, как известно, условна. Впрочем, не более условна, чем все остальное.

Умирал еще один день, еще одно колечко медной цепи, еще один пустой байт. В теплом воздухе набухали сумерки, наполненные комариным звоном и запахом полыни. Странно, на всем острове не было ни стебелька полыни, сплошь буйное тропическое разнотравье, а запах почему-то жил оттудошний, привычный…

Они собрались, как всегда, на Стартовой Площадке. Лэн с Кириллом, бессменные костровые, натаскали сучьев, наломали хвороста для растопки. Хотя в такую жару и сушь это было излишним — чиркни спичкой, и взовьются до небес синие ночи…

Нервно дергая бровью, Игорь настраивал раздолбанную гитару. Помесь нейлоновых и стальных струн не располагала к хорошему звучанию, но выбирать не приходилось.

— Вот лопнет четвертая, и одной проблемой меньше, — проворчал он, пробуя флажолеты на басах. — Да на этой деревяшке ни один уважающий себя человек играть бы не стал.

— Так то человек! — ядовито заметили от сложенных уголком бревен. Падла с Чингизом резались в импровизированные шашки, черные и белые ракушки выстроились на расчерченном стремительными линиями песке.

Игорь не стал отвечать, прислушиваясь к гаснущему в вязкой тишине созвучию. Нечего было ему отвечать.

— Чует мое сердце, пополнение к нам грядет, — ни к кому конкретно не обращаясь, заметил Антон. Закатав выше колен рваные джинсы, он бродил по мелководью, натягивал на ночь сети. Легкая у него оказалась на это дело рука, и народ редко в какой день не баловался рыбкой. «Вот ведь можешь, если постараешься, — временами подзуживал его Чингиз. — Это тебе не вампиров гонять, это у тебя получается». Антон поначалу обижался, но с каждым разом все тише, точно врастая в поставленный Чингизом диагноз.

— С чего бы вдруг? — не отрываясь от шашек, поинтересовался Падла.

— Чутье! — коротко объяснил Антон и, произведя фонтан теплых соленых брызг, кошачьим прыжком выбрался на берег.

— Опять медитировал? — желчно усмехнулся Чингиз. — Ну-ну, для печени оно, конечно, полезно. Впрочем, может, ты и

впрямь на Автора настроился?

— А откуда ты знаешь, а вдруг он и по правде умеет? — высказался Кирилл, садясь на траву возле обреченной огню груды сучьев. — Вдруг он все-таки немножко еще может по Сумраку работать? А вдруг он не совсем разучился? Хорошо бы мальчишку сбросили, — помолчав, добавил он. — А то с этим уродом уже и играть неинтересно. Только и знает, что крыльями своими бывшими хвастаться.

— Это кто еще урод? — встрепенулся обжаренный до состояния шоколадки Лэн и деловито отвесил Кириллу крепкого пинка. Босой тренированной пяткой, как раз в ту самую точку, коей жертва соприкасалась с землей. Естественно, жертва взвилась в воздух крылатой ракетой, и спустя миг оба пацана покатились по траве, сосредоточенно пыхтя и попеременно оказываясь то наверху, то на лопатках. Со стороны они гляделись слипшимися в экстазе колобками, и лишь мелькание загорелых рук и ног разрушало иллюзию.

— Ну вы, оба там, уймитесь! — негромко, скорее для порядка скомандовал Антон. — Сейчас ведь все дрова нафиг развалите. А за это без вопросов по шеям.

— Вот именно, — шумно отдуваясь, подтвердила вернувшаяся с пляжа Ольга. В черном купальнике, напоминавшем скорее комбинезон звездолетчика, так и не сумевшая загореть, переливающаяся бледными непросохшими телесами, она гляделась внушительно. — Вообще, распустились они сверх всякого разумного предела. Я бы принципиально предложила более радикальные меры. Ибо ту демократическую мягкотелость по отношению к малолетним оболтусам, которую я имею несчастье здесь наблюдать, назвать педагогикой нельзя. Меры должны приниматься неукоснительно! Гибкие меры, да, но и жесткие!

— Деревянные меры, — усмехнулся Падла, — это рулез! Тем более, вон их сколько растет, — указал он взглядом на темнеющие в отдалении кусты.

— Это сакс! — гневно завопил кто-то из мальчишек. Кто именно, не разобрал бы и Автор, окажись он тут, в теплых, точно остывающий суп, сумерках.

— Не, ребята, вы неправы, — сделав ход иззубренной ракушкой, заметил Чингиз. — Гибкие друзья детей — это самое то, чего вам не хватает для полного счастья… Добрые мы, блин, — драматически вздохнул он, — а излишняя доброта оборачивается своей противоположностью.

— Вы даже сами не подозреваете, насколько правы, Чингиз, — поддержал его профессор. — Сейчас вы озвучили одно

из основных положений гегелевской диалектики. Единство и борьба противоположностей, куда ж без этого. И заметьте, осуществляется она как раз посредством «отрицания отрицания». Тем самым, развитие происходит по спирали…

— А оно происходит? — невинным голосом поинтересовался Падла. Он любил иногда подначить Аркадия Львовича, без этого старик неминуемо впадал в меланхолию.

— А как же иначе, коллега? — профессор Зальцман принялся нервно протирать и без того чистые стекла очков. — Как же иначе? Законы мироздания едины.

— «Действие равно противодействию! — ехидно процитировал Чингиз. — Это физический закон. Но там, где действует физическая сила — физические законы бездействуют!»

— Я не люблю, когда дешевой демагогией подменяют собственную философскую близорукость! — мрачно начала Ольга, примериваясь к собеседникам. Чингиз поморщился, а Падла уже мысленно выпекал ароматную грубость.

Антон решил переключить стрелку, дебаты с Ноновой достали уже всех, хотя на острове Ольга объявилась лишь месяц назад.

— Короче, — парой точно направленных пинков расцепил он младших, — вы меня заколебали. Двадцать отжиманий каждому! — распорядился он, критически оглядывая потрепанных в потасовке пацанов. — А не то…

— А не то что? — нахально пискнул Лэн.

— А не то именно то, — мгновенно, словно дожидаясь этого, откликнулся Антон. — Вернее, те. Которые гибкие друзья. Сейчас вот мы с Чиной забудем на время наши метафизические разногласия, наломаем веток… Потому что вас, обормотов, воспитывать надо, совсем от рук отбились. Кто мне сегодня сети спутал?

— Не мы! — быстро парировал Лэн. — И мы не виноваты, что ты их сам с террасы унести забыл.

— А кто лазил без спросу в подвал? — меланхолически поинтересовался Чингиз. — Сколько раз было сказано: недоработан подвал, опасно туда соваться…

— Кто изображал из себя рок-звезд и уронил мою гитару? — елейным инквизиторским тоном осведомился Игорь. — Главное, дождались, пока я задремлю… Какое низкое коварство! Нет, у нас эти оболтусы хрен бы Знак получили. Мы в их возрасте вели уже вполне осмысленное существование, отрабатывали теорию и практику роддерства, создавали аппробативные методики… А эта мелочь пузатая, которая, кстати сказать, и дробей не знает…

— Это все чепуха! — решительно заявил Падла. Поднявшись

на ноги, он подтянул свои невозможных размеров семейные трусы и свирепо уставился на притихших пацанов. — Это все чепуха по сравнению с главным. Кто брал мое пиво?

— А мы-то здесь при чем? — очень убедительно удивился Кирилл. — Я лично вообще «Жигулевского» не пью. Я только лимонад…

— Поди-ка ко мне, цыпочка, — ласково протянул Падла. — Я сейчас тебе в деталях разъясню, при чем здесь конкретно ты.

— Падла, ну не надо! Ну зачем? — забеспокоился Кирилл, ничуть не стремясь приблизиться к возвышающейся подобно грозному утесу фигуре. Может, лучше двадцать отжиманий? — с надеждой обернулся он к хихикнувшему Антону.

— Надо, Кириллка, надо! — грустно подтвердил тот. — Все тайное рано или поздно становится явным, по всем долгам приходится платить. Меня-то словами не уведешь, — он вдруг замолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли прислушиваясь к чему-то.

— Да, его не уведешь, — рассеянно подтвердил Чингиз, отрываясь от шашечных расчетов. — Его разве что проведешь… Ольга, может, вы и правы. В кои-то веки… Хватит, в самом деле, потакать разгильдяйству, многозначительно указал он взглядом на изобилующие гибкими ветками кусты.

Как знать, чем бы это кончилось… Но дрогнул темнеющий воздух, заискрился радужными переливами, протяжно выдохнуло плоское небо — и на песок, с высоты чуть более трех метров, шлепнулся мальчишка. Лет этак двенадцати, худенький и длинноволосый. Упал на четыре точки, ойкнул и растерянно поднялся, отряхивая лиловый пуховик.

— С приземлением! — желчно поприветствовал его Падла. — Велкам ту наш гостеприимный остров. Не очень ушибся-то?

— Здрасте, — растерянно выдавил из себя мальчишка и заозирался. — А это где? А вы кто? А зачем зонтик?

— Сейчас, — хмыкнул Игорь, — сейчас все узнаешь. Но сперва, ясноглазый ты наш рыцарь, скажи, звать-то тебя как?

— Егор… — протянул новоприбывший. Он удивленно крутил головой, таращил серые глаза и мелко дрожал, не в силах осмыслить ситуацию.

— Какие люди и без охраны! — хохотнул Антон. — Я давно тебя поджидал.

Мальчишка недоуменно уставился на него.

— Не бойся, у нас тут классно! — подбодрил новичка Кирилл. Привыкнешь. Главное, ни уроков тут, ни киллеров, ни прочих глупостей…

— И зубы можно не чистить! — высказался Лэн. Нонова

метнула в его сторону осуждающий взгляд и уже открыла было рот…

— У вас там, значит, февраль? — деловито поинтересовался Антон.

— Не, март, — отозвался пацан. — А что?

— А то, что шкур на тебе нацеплено… — объяснил Антон. — А у нас тут двадцать семь по Цельсию. Ныне и присно, и во веки веков. Так что давай, скидывай одежку-то. Вон, на ребят посмотри, — кивнул он на прожаренных солнцем Лэна с Кириллом. — Здесь у нас так ходят. Как бы тропики, блин…

— Я… — тихо прошептал Егор, — я не знаю. Я лучше домой… Можно?

— Нельзя, Егорушка, — печально проговорил Чингиз, жестом останавливая готового отпустить сомнительную шутку Антона. — Увы, отсюда не возвращаются.

— А почему? — смаргивая навернувшиеся слезы, спросил пацан.

— Потому что ты отработан, — сухо пояснил Чингиз. — Как и все мы тут.

— А что значит отработан? — хмуро спросил Егор, подозрительно шмыгнув носом.

— Вот что, пойдем, погуляем, я тебе дорогой все объясню. — Чингиз положил мальчишке руку на плечо и повел куда-то вдоль прибрежной полосы.

На западе еще расплывалось рыжее пятно, капля томатного сока на чернильно-синей скатерти неба, но темень уже обволакивала остров, сухая, беззвездная и безлунная. Просто синева, незаметно становящаяся чернотой.

— Молодежь, кончай дуться, занялись бы костром, что ли, — миролюбиво предложил Падла. Он не глядя хлопнул присосавшегося к волосатой ляжке комара и высказался в пустое, душное пространство:

— Ничего, привыкнет пацан. Все мы через это прошли. В конце концов, могло быть и хуже.

— Почему хуже? — сейчас же вклинился Кирилл. — Разве бывает хуже?

— Бывает, — заметил Падла. — Растаяли бы, и все дела.

Игорь мрачно усмехнулся.

— Ты и в самом деле полагаешь это худшим вариантом?

Откинув наползающую на глаза седую прядь волос, он отвернулся в сторону моря, пытаясь что-то разглядеть за иссиня-багровым рубцом заката.

— А разве нет? — неожиданно миролюбиво заметил Падла. — Имхо, лучше икстишка, чем «Агат». Другие вон

растворились. Типа мороженого во рту… Нам, ребята, еще повезло, Автор достался более-менее, с некоторой фантазией. Что, скажете, плохой остров слепил?

— Все-таки какая-никакая, а жизнь… — деликатно кашлянув, согласился с ним профессор. — Да, раньше нам всем было лучше, но поймите, молодые люди, нельзя же вечно кататься с горки… Наступает пора возить саночки.

— Аркадий Львович, — мрачно перебил его Игорь, — знаете, в чем неустранимый порок вашей философии? Вы способны оправдать что угодно, где угодно и когда угодно. Господи, да ведь мы тысячу раз все это обмусоливали. И я тысячу раз вам говорил — прощать Автору свинство не намерен. Я не просил этого курорта, меня вполне устраивала тихая, уютная смерть от атомарника. Ну неужели вы не понимаете — стыдно брать подачку. Там мы жили по-всякому, пускай иногда и плохо, но знали, что мы — настоящие, и все вокруг нас настоящее. Верили, дрались, любили, трусили — все было истинным. И насколько милосерднее было бы просто вычеркнуть нас. Если уж он никак не мог не придумывать. Так нет же, этот лауреат полкило булыжников подарил нам списанный остров. Вместе с сознанием нашей иллюзорности. Он, наверное, пьян был, скотина.

Зальцман вновь принялся протирать очки — похоже, ему просто необходимо было чем-то занять руки. Низенький, худой, он напоминал сейчас подростка, за минуту постаревшего на шестьдесят лет. И лишь окаймляющие лысину снежно-седые пряди разрушали иллюзию.

— Игорь, дорогой, мы и в самом деле тысячу раз все это обсуждали. И вы тысячу раз отказывались меня понять. Что ж, давайте начнем в тысячу первый. И прежде всего — откуда взялось это деление — настоящая жизнь, квазижизнь? Никто еще не опроверг старика Декарта. Мыслю — стало быть, существую. Вот и мы поскольку мыслим, то и существуем, живем… Я не считаю остров иллюзией большей, чем Ботанический сад, где в меня всадил несколько пуль этот довольно странный молодой человек.

Вы говорите, унизительно? Позвольте, коллега, никто не может унизить меня, пока я сам не растопчу свою душу. Автор, говорите? Во-первых, все это не более чем предположение. Да, каждый из нас смутно вспоминает нечто, да, из этих фрагментов складывается довольно занятная мозаика. Но с неменьшим успехом можно выдвинуть и иные версии. А даже если и принять в качестве рабочей гипотезы… Тогда получается примерно так. Мы для нашего Автора всего лишь плоды его натренированной фантазии, о нашей реальности он, бедняга, и не подозревает. Он

придумал нас? А если все наоборот и это мы придумали его? Или есть некто, кто сочинил и его, и содержимое его грез, то есть нас? А может, воображение и реальность — лишь разные измерения чего-то единого, непостижимого нашим рассудком? Может, наш Автор ничего и не сочиняет, а просто инициирует уже существующие виртуальные вселенные? Грубо говоря, он давит кнопки на компьютере, но компьютер-то изобрели другие. Просто он оказался в нужное время в нужном месте. Так чего же на него злиться? Кому от этого станет лучше? Да, он выкинул нас из головы, выкинул сюда, на остров. Так он никогда и не верил в нас по-настоящему. А представьте, он все понял и осознал? Вам его не жаль, Игорь? С ума ведь сойдет человек. В лучшем случае сопьется. А то и как один из твоих старших друзей, мальчик, — сухоньким пальцем он неожиданно ткнул в притихшего Кирилла. — Творческие люди, они непредсказуемы. И, кстати говоря, что тогда случится со всеми нами? Впрочем, и это не главное. Поймите, Игорь, я философ, я не могу давать волю эмоциям, мой долг — рассмотреть проблему профессионально…

— А дальше? На ученом совете доложите? — буркнул под нос Падла, но вообще-то глуховатый Зальцман его услышал.

— Вы зря смеетесь, юноша. Понимание ценно само по себе, утилитарный подход здесь неуместен. Темнота, невежество недостойны человека. В какую бы скверную историю мы ни влипли, первый и необходимый шаг к спасению — это Знание. Заметьте, не Сила, не Власть, и даже не Развитие. Ибо лишняя информация — это лишняя степень свободы.

— Свобода лишней не бывает, — нервно заметил Антон.

— Не говорите глупостей! — сейчас же вклинилась в разговор Нонова. Несмотря на успевшее уже уползти под горизонт солнце, она так и не рассталась со своим защитным зонтиком и сейчас вертела его в пухлых белых руках, точно истинный ценитель — замысловатое холодное оружие. — Любой нормальный человек прекрасно понимает, что мера допустимой свободы — это строго ограниченная величина, коррелирующая с психотипом индивидуума. Я читала об этом в одной книжке, и стало быть, сомнения неуместны. Вы же, Антон, как особь, испорченная своими былыми сверхвозможностями, уже неспособны оценивать себя критически и довольствоваться реальным. Скромнее надо быть, воздержаннее на язык…

— Чья бы корова… — невоспитанно заявил Падла и рывком принял вертикальное положение. — Устал я от ваших философий, вот так вот. Пойду, что ли, моцион совершу… — и он уковылял куда-то вбок. Спустя минуту и Ольга, так и не дождавшаяся от Антона выпадов, удалилась во тьму — в те же

пышные, шелестящие иззубренно-острыми листьями кусты. Оставшиеся на площадке деликатно повернулись в противоположную сторону — туда, где растаяли во мраке Чингиз с Егором.

Чингиз шагал медленно, тяжело. Здесь, на широкой прибрежной полосе, можно было не бояться наколоть ногу сучком или острым камнем, но все равно — торопиться некуда, времени — хоть горстями черпай, а разлившаяся вокруг ночь скрадывала пространство.

— Вот, значит, такие дела, Егорка, — устало протянул Чингиз. — Грустно вот так сразу все обнаружить. Сваливается на тебя как лавина, и чувствуешь себя мухой между стеклами.

— Это вы про что? Про то, что все было ненастоящее?

— Про то, что ты сам ненастоящий, — вздохнул Чингиз, — ты сам лишь игрушка, и жизнь твою сочинили, и говоришь ты слова, которые в тебя Автор вложил, и думаешь только то, что положено. Им положено. Люди в том, в реальном мире прочтут про тебя, чаю хлебнут, бутерброд съедят. Им, может, и понравится… Обидно, Егорка. Я вон тоже когда-то думал, что все по правде, что живу я в роскошной двухэтажной квартире, держу московский рынок компакт-дисков, пью отборное пиво в компании верных друзей. А как выдастся свободная минутка — сажусь к компу, вспомнить молодость, чего-нибудь напрограммить, или, к примеру, хакнуть… Самое смешное, Автор-то наш полный ламер в этих делах, руки кривые по дефолту. А я вот, его творение… Или дядя Падла… Тот тем более…

— А у нас в школе тоже информатика была, — не утерпев, поделился Егор. — Я даже самую настоящую программу написал, на бейсике, там паровозик по экрану едет и гудит.

— Забавно, забавно, — грустно улыбнулся Чингиз, и темнота съела его улыбку. — Но это все неважно, забудь. Все это раньше было, когда Автор тебя сочинял, а остальные верили. А потом ты ему надоел, роман написан, издан, гонорар обмыт, у него уже другие замыслы… Тут у нас, кстати, земляк твой есть, на острове, так вот он это так сформулировал…

— Какой такой земляк? — дернулся Егор. — По городу?

— По роману. Помнишь такого дядю Антона? Ну вот, он тоже здесь, и разоваривал с тобой. Странно, что ты его не узнал… Шок, разумеется… Да и Антон, полагаю, изрядно тут оброс… Тоже отработан. Сюда иногда закидывает людей из одной книги. Вот, профессор наш с Кириллом, или мы с дядей Падлой… Теперь вы с Антоном… Ну ладно, я вот про что. Антон четко сформулировал: «в исходном мире нас держит лишь ментальная связь с Автором.

Односторонний разрыв этой метапсихической нити выкидывает нас либо на остров, либо…» — Чингиз помолчал, пожевал сухими губами.

— Либо куда? — напряженно повернулся к нему Егор.

— Либо никуда. Пустота. Это значит, Автор полностью тебя из мозгов выбросил. Нам еще повезло. Видимо, в какой-то момент прошибло его, что-то он вдруг осознал… Ну, срочно сочинил нам этот остров, на скорую руку. Типа пенсии, да. Успокоился… В общем, ты и сам, наверное, чувствовал, как эта связь слабеет, как все вокруг серым становится. Помнишь, небось последние недели тебе тоскливо как-то вдруг сделалось, пусто на душе?

— Мне даже в третьих героезов играть не хотелось, — чуть слышно признался Егор.

— Вот-вот! — желчно усмехнулся Чингиз. — Так со всеми бывает, перед тем, как сюда… Я, к примеру, запил по-черному, а дядя Падла, наоборот, пиво разлюбил. Потом, конечно, мы исправились. С нами-то уж вовсе по-сволочному вышло, про нас и книжку еще издать не успели, как он нас забыл. Переключился на космооперу… Понимаешь, Автор нам сочиняет жизнь, возраст, прическу, болезни… Мы живем в как бы настоящем мире, с электричками, родителями, двойками и стихами. А про «как бы» узнаем уже здесь, на острове.

— Знаете, — вдруг доверительно шепнул ему Егор, — а я умею многое такое, что обычные люди не умеют. Я в Сумрак могу уходить, только пока ненадолго. Может, через Сумрак отсюда и уйти?

— Ушел один такой, — взъерошил ему волосы Чингиз. — Антон куда лучше тебя работает с Сумраком. Точнее, работал. Видишь ли, все мы здесь свои свойства теряем. Это раньше мы были Иные, Крылатые, «дайверы», «двойники»… А теперь — просто двуногие без перьев. Забудь. Хорошо если хоть в душе что-то остается. Кириллка вон стихи писать не бросил, профессор наш разрабатывает ТМВПР…

— Чего?

— ТМВПР, — с удовольствием продекламировал Чингиз, — Теорию Многомерных Взаимопроникающих Реальностей. Он же философом был, доктором наук… Осмыслить хочет.

Они помолчали. Ничто не нарушало тишины, даже комары попритихли, и лишь невидимые сейчас волны мягко накатывались на пологий берег.

— И что, совсем никак нельзя вернуться? — всхлипнув, поинтересовался Егор. — Ну неужели никаких путей нет?

— Никак, — жестко обронил Чингиз. — Разве что Автор снова про тебя вспомнит, в очередной роман вставит. А самому никак…

Ты вот попробуй сейчас, войди в Сумрак… — он рассеянно вырвал коснувшийся пальцев высокий стебелек, механически сунув в рот, пожевал и выплюнул: горько. — Ну, убедился? Пойми, не хочу я тебя сказками кормить, потом все равно хуже будет. Дядя Игорь вон в первые дни тоже пытался уйти… это такой на Деда Мороза похожий, с длинными волосами, седой. Представляешь — пошел просто так, по воде. Он же у нас профессиональный бродяга, роддер номер один, хозяин дорог, блин. Так он уверовал в теорию, что силой воли сумеет изменить здешние законы природы. И изменил, что интересно! Зашагал по морю аки посуху, вода под ним только и гнется… А смысл? Гулял-гулял, а пришел сюда же, на наш остров, только с другого конца. Этот мир замкнут.

— А как же звезды?! — точно за соломинку хватаясь, выдохнул Егор.

— Подними голову, мальчик! Здесь нет звезд. И луны нет. Автор забыл их придумать.

— Значит, бесполезно? — подавленно прошептал пацан.

— Угу… — Чингиз помедлил, словно думая что-то еще сказать, но так и не решился. — Впрочем, не расстраивайся, уж лучше так, чем никак. Все-таки мы есть, мы живы. Да не так уж здесь и плохо, если вникнуть. Тебе должно понравиться. Всегда тепло, купаться можно до посинения, кормежка высший класс. Автор нам сочинил этакий шкаф, где утром еда появляется, о которой ты накануне думал.

— И ананасы? — заинтересованно встрепенулся Егор.

— И ананасы, — серьезно кивнул Чингиз. — Только тебе это быстро надоест. Каждый, кто сюда попадает, сперва на жратву бросается, точно голодающий. Сочиняет себе всякое вкусное… А потом, когда привыкнешь, никакого кайфа. Мы ведь с дядей Падлой первыми сюда попали. Странно, написал он про нас позже всех, а попали мы первыми… Ну вот, и себя пронаблюдали, и остальных. Скажем, тетя Оля, та сперва обжиралась так, что страшно за нее становилось, не лопнула бы. Хотя умом понимаешь: нечему там лопаться, одна видимость, но все-таки… А вот Антон, тот исключение. Тот с самого начала вбил себе в голову, что унизительно это, подачками от Автора пользоваться. Смастерил сети, рыбку ловит, жарит на углях, вкусно получается. Только один хрен, что из шкафа, что из моря. И то, и другое тот же Автор придумал.

— А чем вы тут вообще занимаетесь? — скорее из вежливости спросил Егор. Уж очень затянулась вязкая, убивающая остаток надежды пауза.

— Ну, так… ерундой страдаем… — мрачно признался

Чингиз. — В шашки вон играем с дядей Падлой. Какой хакер был, блин, какой хакер! Я тоже кое-что могу, но я ему и в подметки… А-а… Что вспоминать? Теперь вот кроме шашек и мозги не к чему приложить. Дядя Игорь вот на гитаре днем и ночью наяривает, ты послушай, он прикольные песенки знает. Твой Антон, тот в медитацию ударился. Лежит брюхом к солнышку и воображает, что у него духовная сила… что он этой духовной силой Автора ка-а-к долбанет… И говорит, получается. У него видения бывают, говорит. То Автору соседка под дверь мусор насыпет, то коннект оборвется, то в издательстве денег не доплатят, или в бане какая неприятность… Скорее всего, просто снится Антоше. Молодой еще, агрессивный, энергию не на что сбросить… Ну а ребятишки бесятся, само собой. Ты с ними быстро сдружишься, вместе носиться будете. Вам, маленьким, еще ничего. Весело, хотя бы первое время.

— А когда повзрослеем? — неожиданно серьезно спросил Егор.

— А вы не повзрослеете, — нехотя выдавил из себя Чингиз. — Тут не взрослеют, не стареют. Может, оно и к лучшему. Пацаны особо и не горюют. Наоборот, радуются. Напакостят — радуются, уши надерешь — снова довольны. Просто тому, что что-то с ними происходит, что они живы…

— И что же, это навсегда? — сглотнув соленый ком в горле, спросил Егор.

— Честно говоря, шут его знает… — Чингиз задумчиво взглянул на нелепого в своем зимнем пуховике пацана. — Этот вопрос Зальцман тоже разрабатывает. Когда Автор умрет, все это может и остаться… И море, и дом, и заросли «гибких друзей», — усмехнулся он в усы. — Слишком уж плотно придумано, замкнутый цикл. Конечно, всякие варианты вероятны… Ну, ничего. Пойдем-ка, знаешь, обратно. Наши, наверное, заждались…

Костер деловито потрескивал, роняя в черное небо бездымные розовые языки. Время от времени какой-нибудь не согласный на кремацию сучок выстреливал себя в воздух, прочерчивал светлой искоркой тьму, но тяготение побеждало — и он обрушивался в ровно гудящее пламя.

Антон, точно в гипнотическом трансе, не отводил глаз от мелькания рыжих огненных волн, Игорь перебирал струны, и его глуховатый баритон медленно выбрасывал в темноту слова. Ольга, так и не расставшаяся со своим чудовищным зонтиком, недовольно вслушивалась в песню, явно дожидаясь паузы, чтобы внести свои поправки. Но подходящей паузы все не было. Аркадий Львович, не решаясь довериться бревну, сидел на

раскладном парусиновом стульчике и кивал в такт словам, но думал, похоже, совсем о другом, о далеком…

Мальчишки, прижавшись с обеих сторон к такому огромному, такому надежному и такому беспомощному Падле, протяжно зевали, терли кулаками глаза, но явно не собирались на боковую, хотя Антон периодически и напоминал, что «котятам пора спать».

Кто они? Где их очаг?
Где голубое их небо?
Кто из них в небе том не был?
Кто в пустоте не кричал
Так, чтобы громко, взахлеб,
Ветры чтоб в горле гуляли?
…Лесом брели и полями,
Песни слагали за хлеб…

Чингиз с Егором остановились на самой границе озаренного огнем круга. Там, впереди, была жизнь — ненастоящая, конечно, но душная чернота за спиной казалась еще страшнее.

А нервные пальцы Игоря срывали с невидимых струн один аккорд за другим, и песня улетала ввысь вместе с длинными языками огня, и вместе с ними гасла, отражаясь от пустого неба.

Кто они? Как их зовут,
Белых и легких как тени?
В зарослях лунных растений
Плачут они и живут.
В темень летят и кричат,
Плачут о небе и доле.
Белые клочья над полем,
Кто они? Где их очаг?

2

— Я даже не знаю, как начать… — он замолчал, уткнувшись подбородком в колени. По его успевшей уже слегка загореть спине деловито побежал муравей, но Егор, казалось, не замечал этого, хотя в другое время криков и просьб «прихлопнуть гада» было бы предостаточно.

— Не знаешь как начать — начни как не знаешь, — участливо посоветовал Падла. — То есть с чего угодно. Мы же тут умные, мы уж как-нибудь разберемся.

Несколько опустошенных бутылок «Жигулевского» уже валялась поодаль, в траве, и Ольга, завладевшая раскладным стульчиком Зальцмана, неодобрительно взирала на это непотребство. Она даже высказалась по этому поводу в пространство, но добилась лишь одного — сумрачный Падла, откупорив очередную бутылку, сунул ее Ноновой — на, мол, успокойся. Теперь Ольга растерянно сжимала толстыми пальцами полулитровую емкость, совершенно не представляя, что с ней делать. На какое-то время это ее нейтрализовало.

— Ну, в общем… — не разгибаясь, глухо произнес Егор, — он зовет…

— Кто он? — тут же влез с вопросами Кирилл.

— Кто-кто, дед Пихто, — огрызнулся Егор. — Не понял, что ли? Этот самый… Автор.

— Подробности? — суховато поинтересовался Антон и как-то весь вмиг подобрался, точно солдат перед боем.

— Приснился сегодня, — пояснил Егор. — Усатый такой, тоже с пивом, как Падла. Только он из кружки пьет, а не из горла. И не «Жигулевское», а «Ярпиво». Ну вот, веселый он, смеется и говорит: «Ну что, блин, Егор, продолжим „Дозор“?»

— Егор! Следи за своей речью! — сейчас же возмутилась Нонова. — Что это еще за блин? Наш язык, великий и могучий, не нуждается в подобных эвфемизмах. Сколько раз нужно повторять о необходимости добиваться культуры речи…

— Заткнитесь, Ольга! — коротко бросил Чингиз, и, странное дело, Ольга действительно замолчала. Чингиз редко говорил таким голосом, но уж если говорил…

— Продолжай, Егорка, — напряженно выдавил Игорь.

— А чего там продолжать? — искренне удивился пацан. Разогнувшись, он досадливо смахнул успевшего переползти на живот муравья и принялся сердито ковырять подсохшую коросту на коленке. — Вызывает. Продолжение будет писать.

— А может, тебе это просто так приснилось? — с завистью

протянул Лэн. — Бывают же просто сны…

— Ну да, просто… — передразнил его Егор. — Мне же так все понятно вдруг сделалось… ну прямо как в таблице умножения. И сейчас вот все вокруг какое-то уже не такое…

— Похоже на правду, — заметил Игорь. — Аркадий Львович назвал бы это «перенастройкой ориентации в пространстве реальностей», а я скажу проще: потянуло. Кстати, так уже было однажды, с Маркусом. Всего неделю здесь пробыл, даже загореть как следует не успел — и назад, в «Иные Берега». Так что радуйся, Егорушка, поедешь в реальность.

— А меня спросили? — без особого восторга отозвался Егор. — А может, я не хочу?

— То есть как это? — удивился Чингиз. — Сам же сколько рвался, ревел…

— И ничего не ревел, не сочиняйте, — Егор досадливо передернул плечами.

— Ревел, ревел, — деловито подтвердил Падла. — И в Сумрак долбился.

— Как рыба об лед, — добавил Игорь. — Так что же теперь изменилось?

— Да ничего не изменилось! — Егор вновь зарылся носом в колени. Просто не хочу, надоело. Туда-сюда, как мячик. Ну пойду я в этот его новый роман, так ведь все равно ненадолго. Потом опять сюда… Или еще куда… И все это опять будет не по правде. Это как в очереди у зубного. Пришел утром, а врач, оказывается, принимает вечером. Что, лучше? Просто лишних полдня бродить и маяться…

— Ну ты вообще! — со свистом втянув воздух, возмутился Лэн. — Тебя домой возвращают, а ты еще нос воротишь. И почему это тебя, а не меня?

— Просто у тебя там друг остался, — покладисто ответил Егор. — Вот ты и рвешься.

— А у тебя вообще — родители! — ехидно заметил Лэн. — Ты и к ним не хочешь, да?

Егор помрачнел, и нервная дрожь пробежала по его тощей спине. Игорь заметил это и чуть выдвинулся вперед, готовясь расцепить назревающую драку. Но драки не последовало.

— Так они ж придуманные, — помолчав, устало произнес Егор. — Тогда я не знал, верил, что все по правде, а теперь все равно буду знать. И твой друг Данька тоже придуманный, и даже если тебя вернут, все равно без толку, ты сразу поймешь, что он ненастоящий. Типа надувной.

Теперь уже Лэн напрягся, загорелые скулы его побелели, но он все-таки сдержался, отошел на несколько шагов и плюхнулся

пузом в высокую, густую траву.

— Егор, ты сейчас делаешь большую философскую ошибку, — назидательно заметил Антон. — Ты пытаешься примирить противоположные вещи. С одной стороны, ты веришь, что сам ты реальный, живой. Так? С другой стороны, отказываешь в этом другим персонажам. Взять хотя бы наш с тобой роман… Вот я, к примеру, тоже ненастоящий?

— Ты? — подняв голову, с сомнением уставился на него Егор.

— Могу пендаля дать, чтобы убедился. Почему же твои родители менее реальны, чем я?

— А что же тогда их здесь нет? И почти никого нет? Вот нас тут девять человек всего, а Автор сколько понаписал разного. Куда остальные делись?

— Так может, он их всех в голове держит и усиленно с ними работает? предположил Чингиз слишком уж серьезным тоном.

— А… — отмахнулся Егор, — не верю я. Чтобы всех в мозгах держать одновременно, это же не голова должна быть, а трехсотый пень…

— Да, я смотрю, парень, ты крепко уперся… — задумчиво протянул Падла. — Хотя, конечно, ты ошибаешься. Может, дедушку разбудим, он объяснит все как надо, по-философски…

— Нефиг! — кратко, но увесисто высказался Игорь. — Пущай старик поспит. В его возрасте это необходимо. И так всю ночь кашлял…

— В его возрасте… — передразнил незаметно вернувшийся Лэн. — Сам, что ли, сильно моложе?

— На целых пятнадцать лет, — с достоинством возразил Игорь, — так что я всего лишь пожилой мужчина. В самом расцвете сил. А вот кое к кому за бестактные высказывания сейчас будут применяться гибкие меры. — Выбросив назад жилистую руку, он легко поймал двумя пальцами ухо не успевшего улизнуть Лэна. — Тебе куда крутить? — деловито поинтересовался он, — по часовой стрелке или против?

— А может, лучше купаться пойдем? — выдвинул альтернативу Чингиз. — А с охламоном после разберемся.

— Купаться — это мысль, — поддержал его Падла. — Сегодня что-то особенно припекает. Ольга, — повернулся он к все еще сжимавшей пивную бутылку Ноновой, — вот постоянно забываю у вас спросить: вы вообще-то плавать умеете?

Ольга, конечно же, завелась с пол-оборота, и на фоне гневных замечаний никто не услышал, как Чингиз, наклонясь к уху Егора, одними губами прошептал:

— Вот что, приходи после ужина в подвал. Есть серьезный разговор.

Егор кивнул, и, кинув Чингизу быстрый взгляд серых глаз, сейчас же усвистал вслед за пацанами, на пляж. И Чингиз так и не понял, чего же было в нем больше — недоверия или надежды?

Здесь оказалось зябко и сыро, забранная тонкой решеткой лампочка давала ровно столько света, чтобы не расшибиться впотьмах о груды странных предметов, острыми углами выпирающих отовсюду. Из бетонных стен вырастали ржавые перекрученные штыри, по углам топорщилась липкая плотная паутина, вдали громоздились рядами какие-то непонятные ящики. Где-то вдали чуть слышно капала вода.

По телу моментально забегали мурашки, и Егору тут же захотелось подняться наверх, переодеться в зимнее, но, подумав, он решил не тратить время — слишком сильным было охватившее его тревожное ожидание.

— Сюда иди, не споткнись только, — послышался приглушенный голос Падлы, и Егор пошел на звук, узким коридором меж картонных коробок и сложенных стопками кирпичей.

Падла с Чингизом сидели на потемневших от времени и сырости досках и хмуро курили. Рядом громоздилось нечто — Егор так и не сумел подобрать ему названия. Какие-то толстые спутанные провода, похожие на щупальца осьминога, ползущие из железных ящиков, торчащие под немыслимыми углами печатные платы, вакуумные лампы, как в древнем радиоприемнике, а в центре всего этого — ободранное зубоврачебное кресло.

— Ну, чего столбом встал? — укоризненно произнес Падла. — Давай, присаживайся, поговорим.

— А про что? — растерянно выдохнул Егор, глядя, на что тут можно безопасно присесть.

— Такие, выходит, дела, — неторопливо начал Чингиз. — Помнишь наш первый разговор, ну, когда ты только свалился на остров? Я тебе тогда сказал, что надежды нет никакой. Видишь ли, мальчик, я солгал тебе. Просто не хотел вселять беспочвенных надежд. Но теперь ситуация несколько поменялась. Мы с дядей Падлой с самого начала решили брать пример с той лягушки… Помнишь сказку, как лягушка в горшок попала и сметану в масло сбила? Ну вот и мы… Попали на остров как бы не пустыми, у Падлы в кейсе кое-какие интересные платы имелись, да и здесь всякого по малости нашлось. И Маркус опять же появился, все, что он из Холода понатаскал, сюда вместе с ним и вывалилось… И любите же вы, пацаны, подбирать всякий хлам… В общем, соорудили вон из подручных материалов. Электронщики-то мы оба неплохие, а теоретическую часть Антон с Зальцманом

обеспечили. Кстати, сами того не подозревая. Просто есть у них некоторые занятные идеи, вот и решили мы их попробовать, воплотить в железе. Хуже-то все равно не будет.

— Короче, — шумно отдуваясь, сообщил Падла, — решили мы его достать.

— Кого? — не понял Егор.

— Автора нашего драгоценного. Типа вытащить к нам сюда, на остров.

— Помнишь насчет ментальной связи? — вновь перехватил инициативу Чингиз. — Для простоты я сказал тебе, что она оборвана, и потому мы на острове. Но, строго говоря, это не совсем так. Вернее, совсем не так. Она не оборвана, а, как бы это сказать, заморожена. И ее можно восстановить. С помощью некоторых операций… э… возникает эмоциональный канал, ну грубо говоря, ниточка. Между нами и Автором. И если соответствующим образом за нее дернуть — мы вытащим его сюда. И поговорим начистоту. Как-то же надо эту ситуацию урегулировать… Ну нельзя же так, в самом деле, свинство же получается.

— У меня же принципы, блин! — подтвердил Падла. — Получил — верни! Вот мы и вернем, да так, что мало не покажется.

— Ну, не изображай так уж все кроваво, Падла, — урезвонил его Чингиз. — Просто поговорим с человеком, объясним его ошибки… заставим исправить…

Егор потрясенно молчал.

— Ну, теперь понял? — ухмыльнулся Падла. — Понял, зачем мы тебя позвали?

— Не-а, — покрутил головой Егор.

— Ну сам смотри, — терпеливо заговорил Чингиз. — Автор собирается вскоре тебя снова взять в разработку. Значит, между вами установилась уже хоть и тоненькая, но живая ниточка. С помощью нашего агрегата ее можно усилить, укрепить, а потом и дернуть. Вот это, — махнул он рукой в сторону зубоврачебного кресла, — служит как бы линзой, усиливает твою душевную энергию и посылает сконцентрированный импульс в сознание Автора. Рыбу ловил когда-нибудь? Ну и здесь похоже. Зацепим крючком за его душу — и осторожненько так потянем. Сюда. Если наши расчеты правильны, должно получиться.

— А они правильны? — с сомнением произнес Егор.

— А хрен знает! — беспечно заметил Падла. — Но кто не рискует, тот не пьет «Жигулевского».

— Я, между прочим, тоже не пью… — малость осмелев, возразил Егор. Ты ведь не разрешаешь…

— Ну, это поправимо, — добродушно улыбнулся Падла. — Так даже лучше будет, больше возбудишься, амплитуда нервных колебаний возрастет… Чингиз, ты куда ящик засунул?

Падла опустил волосатую лапу на ребристую рукоять рубильника. Вот еще пара секунд — и начнется… Егору было страшно и щекотно. Щекотно — от десятков присосавшихся к коже датчиков, которые, казалось, вот-вот высосут из тела жизнь. А страшно — что ничего не получится, разочарованно махнув рукой, Чингиз отцепит провода, и все пойдет как было. День, два, неделю, пока Автор не выдернет его в неуютный мир нового романа. Что мир будет неуютным, Егор знал железно.

В голове слегка шумело, выпитое пиво давало себя знать. Вот же странно, горькая гадость казалось бы — а настроение становится лучше, мир делается округлым, плавным, черты вещей смазываются, они уже неважны, и ничто не важно, главное — это ритм, медленный ритм в ушах, точно морские приливы и отливы… Отливы… Отлить бы сейчас, кстати, не помешало, да некогда, Падла ругаться начнет: «О чем ты раньше думал, у нас уже процесс запущен!»

— Егор, — откуда-то из тьмы, из невообразимой дали послышался голос Чингиза, — ты как? Может, отменим? Еще не поздно. Ну его, Автора, пускай гуляет? Мы же рискуем, понимаешь?

— Не, Чингиз! — непослушным, шершавым языком Егор выдавил такие же шершавые слова. — Мы же все решили.

— «Ну уж нет, папочка, погром так погром», — ухмыляясь, пробубнил Падла. Впрочем, может, и не ухмылялся, лицо его расплывалось во тьме, а рокот волн в ушах все нарастал, и вот уже сменился грохотом, что-то падало и с треском разбивалось, доносились откуда-то встревоженные голоса, с каждым мгновеньем они становились все громче, вот уже оказалось возможным разобрать слова:

— Негодяи! Садисты! Инквизиторы! Что вы делаете с ребенком?

— Чина, Падла, в самом деле, ну что это за дурацкие эксперименты?

— Ольга, уймитесь, тут никто никого не убивает! Даже и не собирается.

— Дядя Падла, а почему не меня? Я тоже хочу!

— Какой хитрый! Всегда норовишь первым! В очередь давай!

— Значит, все-таки решились? Давно пора…

— Чингиз, я совершенно не предполагал, что от невинных интеллектуальных упражнений вы перейдете к сомнительной, неаппробированной технологии… Это же совершенно ненаучный

подход…

— Развяжите его, негодяи! Немедленно! Вы творите опыты на детях, это преступление против человечества! Освенцим! Бухенвальд! Вы ответите за это…

Сквозь клубящийся морок Егор все же сумел разглядеть, как грузная, пышущая гневом Нонова подскакивает к смущенному Падле, тычет зонтиком. Раздается треск — это зонтик с размаху опустился на неготовую к удару лысину… Вопли, звериный рык, ужасные слова, по большей части Егору непонятные, а потом рукоятка рубильника резко уходит вниз, и наваливается тьма, плотная, железная, уши разрезает безумный визг, и все мгновенно лишается всякого смысла, остается лишь страх и отчаянное понимание безнадежности, белая искорка проносится в черноте, и Егор знает, что искорка — это он сам, его крутит невидимый во тьме вихрь, тащит куда-то вперед и вверх, а потом — стремительное падение вниз, боль от расшибленного локтя, рыжее мелькание перед глазами…

— Бли-и-н… — только что и сумел произнести Автор. — Вот же блин…

Они сидели в тесной кухне, фыркал белый электрический чайник, розовела на стене керамическая плитка, в сахарнице еще оставалось песку на пару чашек, и за окном шелестела первая, клейкая еще майская листва. Все казалось таким обычным, таким настоящим… И становилось почти страшно от того, что оно не только кажется, оно и есть настоящее.

— Так ты утверждаешь… — вновь и вновь бормотал Автор. Зрачки у него до предела расширились, и сейчас он был необыкновенно похож на огромного кота, который в ужасе забрался на дерево и не может оттуда слезть.

— Да Егор я, Егор… — в десятый раз ответил пацан. — Думаете, мне самому приятно?

— Если бы я своими глазами не видел, как ты свалился с потолка… Вешалку снес… И никакой дырки нет… Фантастика…

— Вот вы бы лучше детективы писали, — мрачно отозвался Егор. — Тогда бы ничего и не случилось…

— Вот тогда бы ко мне пачками герои-киллеры заявлялись бы, механически возразил Автор и вдруг, сообразив, хлопнул себя по лбу. — Да ведь, выходит, и сейчас могут… Как же это… Ладно Карамазов, а ну как Кей заявится?

— У нас на острове киллеров нету, — с гордостью заявил Егор. — Может, вы еще какой-нибудь придумали?

— Да не помню я! — досадливо махнул рукой Автор.

Егор молча потянулся за чашкой. Разбитый локоть был уже смазан йодом, на плечи была накинута необъятных размеров

джинсовая куртка — «не сидеть же тебе голым, тут тебе все же не тропики… Эх, в тундру вас надо было поселить, в тундру…»

— Конечно, проще всего объяснить это галлюцинацией. Типа белая горячка, значит? Егор, ну пожалей меня, скажи, что ты галлюцинация.

— А вы ущипните себя, — ехидно посоветовал Егор. — Если я галлюцинация, тогда я растаю. Или давайте, я ущипну.

— Нет уж, лучше я сам, — поспешно возразил Автор. — Я не доверяю детям себя щипать. Вам только дай волю…

— Ага! — ухмыльнулся Егор. — Значит, все-таки не галлюцинация, а дети…

— Ох, ну просто не могу в себя прийти. Признаюсь тебе честно, мальчик: я обычный человек, я не верю в то, чего не может быть никогда. Ни в пришельцев, ни в телепатию, ни в параллельные миры…

— А как же тогда вы пишете фантастику? — прихлебывая ужасно сладкий ложек семь бухнуто — чай, настороженно спросил Егор.

— Как пишу… Сказал бы я тебе… Да только я уже другому такому однажды сказал… Ну, то есть не я, конечно, а так… Ладно, в общем, проехали. Ты мне лучше вон чего скажи, что же теперь мне с тобой делать?

Егор добросовестно задумался.

— Ну, я не знаю даже. Мы же не думали, что так получится. Мы думали вас на остров перенести, я ведь уже рассказывал.

— Интересно, зачем? — хмыкнул Автор. — Морду набить? В принципе понятно, но оно стоило таких усилий?

— А чего вы меня спрашиваете? Вы лучше Падлу спросите или Чингиза… Ну а вообще… Наверное, не только… Вы бы что-нибудь придумали про нас. Чтобы все стало как было… То есть не как было, а по-настоящему… Ну то есть вы поняли, да?

— Что я понял, господи? — в отчаянии простонал Автор. — Ну то есть понял, какую вы там задумали чудовищную глупость. Мне почему-то казалось, что мои герои могли быть и поумнее. Там, на острове, чем бы я от вас отличался? Там моя фантазия была бы совершенно бесполезна… А, ладно, что уж теперь. Ладно, примем за рабочую гипотезу, что и я не тронулся, и ты правду говоришь. Так ответь все-таки, куда мне тебя девать?

— Домой пойду, — просто сказал Егор. — Я же тут рядом живу, даже из вашего окна видно…

— Егор, — грустно сказал Автор, — ты, наверное, не только локтем треснулся, но и головой. Пойми, это другой мир. Того, в котором ты жил, нет. Ну пойдешь ты в дом на «курьих ножках», позвонишь в ту квартиру. А там живут совсем другие люди.

Реальность такова, что ты угодил сюда почти голый, без документов, без всего. Ладно, часть этих вопросов решаема, да и то со скрипом, но именно что часть… Ох, блин, ну и невезуха… И жена с минуты на минуту придет, что я ей, интересно, объяснять буду?

Точно подтверждая его слова, в прихожей мелко заверещал звонок. Обреченно подняв-шись из-за стола, Автор направился открывать.

— О! Точное попадание! Ну, здрав будь, Автор, — послышался рокочущий бас Падлы. — Принимай гостей. Пацан-то здесь? Как он, живой, да?

Егор выскользнул в прихожую и обомлел. Мелко-мелко пятясь, точно увидев настоящего вампира, Автор отступал от распахнутой двери, а в квартиру вдавливалась толпа. Тут были все — и задумчивый Чингиз, и яростная, в багровых пятнах, не расстающаяся с боевым зонтиком Нонова, и близоруко щурившийся профессор Зальцман, и иронично улыбающийся Антон… Игорь сурово сверлил Автора глазами, а Кирилл с Лэном, просочившись за спинами взрослых в квартиру, сейчас же нырнули в полураскрытую дверь комнаты. Спустя минуту оттуда донеслись восторженные возгласы: «Уж ты, классно!», «Здоровские какие мышки, надо их пустить погулять», «А у нас в Городе мечи лучше были, эти вообще тупые, и уравновешены плохо», «А тут в компьютере, наверное, варкрафт есть, сейчас запустим».

Пожалуй, не подставь Чингиз вовремя руку, Автор хлопнулся бы в обморок. А так — всего лишь побелел и прислонился к стенке, взирая на толпу затравленными глазами.

— Как же это? — слетело с его пересохших губ.

— Да ты успокойся, друг, — приветливо пробасил Падла. — Ты давай вон, присядь на диванчик. Пойдем, я тебе помогу… Ну расстроился, ну ничего, ну бывает… Пива хочешь? «Жигулевское», — гордо добавил он, — родное. Все как сам описывал.

— Да, разумеется, — кивнул Чингиз. — Тоха, действительно, размести человека. Блин, не хотел бы я оказаться на его месте…

— Но как же так? Почему? — невидяще уставясь в потолок, бормотал усаженный в огромное черное кресло Автор.

— Тут нельзя судить однозначно, — задумчиво заговорил Аркадий Львович. — Но скорее всего, уважаемый Чингиз не учел вектор воздействия. Сила ментального тяготения в итоге оказалась направлена к вам, в вашу реальность. Может, это связанно с эмоциональными особенностями Егора, а вернее всего, мы просто еще очень плохо ориентируемся во

взаимопроникающих реальностях. Настоящая исследовательская работа впереди…

— А… А почему вы все здесь? — едва слышно прошелестел Автор.

— Очевидно, эмоциональное тяготение между нами и Егором, — охотно пояснил Чингиз. — Грубо говоря, он вытянул нас всех за собой. Точно лошадь телегу с грузом. Мы же все рядом находились, в момент запуска, да и возбудились слегка… Видимо, это повлияло.

— И… И что теперь будет? — Автор с трудом повернулся в кресле.

— Ты это… Ты пока пива вон выпей, — возник рядом Падла с прозрачной кружкой, где, шипя, опадала волна рыхлой пены. — Ты, говорят, из горла не любишь.

— А может, сердечного? — предложил Аркадий Львович. — У меня с собой есть валидол.

— Нет… Спасибо, — хлебнув из кружки, измученно сообщил Автор. — Если уж сразу не помер, то как-нибудь протяну… Ох, что же мне делать-то?

— Посуду нужно мыть тщательно! — громогласно заявила возникшая в дверном проеме Ольга. Все в том же черном купальнике-скафандре, опершись о зонтик, она едва не касалась головой притолоки. — Вы, драгоценный Автор, абсолютно не умеете заниматься домашним хозяйством! Тарелки жирные, в сахарнице крошки, ножи тупые… А еще романы пишете! Я вообще давно заметила, что мужчины абсолютно беспомощны в бытовом отношении. Я даже ставила эксперименты, и все подтвердилось! Ну ничего, вам повезло, теперь за вас возьмусь я, теперь все будет по-другому…

— Э-э… Видите ли, Ольга, — глядя на нее округлившимися глазами, выдохнул Автор. — Я не уверен, что это понравится моей жене…

— Вы женаты? Как мило! — радостно возгласила Нонова. — Очень приятно будет познакомиться… Кстати, покажите мне мою комнату, мне надо прийти в себя, отдохнуть с дороги…

— Блин… — отчаянно протянул Автор. — Знаете что, Аркадий Львович, дайте все-таки валидол. Боюсь, он не будет лишним… Блин… Ну ладно, можно обзвонить народ, принесут одеяла… Ну ладно, кого-то разместим у Зурза, кого-то у Ежика… Но это одна ночь, максимум две… А потом?

— Да ты не нервничай, ты пей пиво, — кротко посоветовал Падла. — Ты не забывай, мы взрослые мужики, мы уж как-нибудь о себе позаботимся. Не беспокойся, я тут найду что хакнуть, чтобы на хлеб с маслом хватило. Возможно, и с икрой.

— Кстати, а кто у вас тут рынок компактов держит? — невозмутимо поинтересовался Чингиз. — Трудно, конечно, начинать с нуля, но бывали передряги и покруче. Выберемся…

— Между прочим, я тоже довольно неплохой специалист по защите информации, — мягко заметил Антон. — В Дозоре приходилось решать и весьма нетривиальные задачи. Спрос на это всюду и всегда большой, так что через неделю, я уверен, найду себе… э… экологическую нишу.

— А вот я, увы, придусь не ко двору, — мрачно заявил Игорь. — Разве что в дворники…

— Ты лучше открой клуб «Юный роддер», — деловито посоветовал Кирилл. Мы с Лэном первыми запишемся.

— И последними, — горько усмехнулся Игорь. — Наивны вы, ребятишки.

— Ох, еще же и этих как-то устраивать! — захлебываясь пивом, не то просмеялся, не то прорыдал Автор. — Ладно, бумаги им попробуем склеить, денег это займет немерянно, но реально… А потом куда?

— Решится в рабочем порядке, — утешил его Чингиз. — Бывало и хуже.

— Вот именно, — согласно закивал Аркадий Львович. — После войны, помню, нас жило двенадцать человек в десятиметровой комнате. Заметьте, не в квартире, а в комнате. И ничего, выжили… Надо будет достать досок, нары сделать, это не так сложно…

— Нет, какие глупости вы говорите! — саркастически усмехнулась Ольга. — Вы забываете, что живете в совершенно неправильном мире. Ну ничего, я этим займусь. Пожалуй, придется взяться за политику, иное для меня мелковато. Всегда хотела родиться мужчиной, однако не получилось. Но энергичная женщина перед такими мелочами не пасует. Так что расслабьтесь, я обеспечу вам мир и благоденствие. Разумное сочетание гибких и жестких мер…

— Слушайте, — возгласил Падла. — А давайте отложим эти базары и просто, мирно, по-человечески выпьем пива. Я успел ящик прихватить, с острова, — чуть тише пояснил он. — Слышь, Автор, где у тебя кружки, волоки сюда. Вот ведь хрень какая, — радостно протянул он, — ведь получилось же, получилось! Таки вернулись. Выпьем же за «отработанных».

— Ура, товарищи, — вздохнув, кисло заметил Чингиз.

С балкона налетел ветерок, теплый, сухой. Поиграл с белой занавеской, взъерошил Егору волосы и умчался куда-то по своим делам. Солнце уже клонилось к западу и отсюда, из окна, было невидно, но Егор знал, что стоит выйти на улицу, и оно будет.

Теперь уже настоящее. А вот лучше это или хуже, он не знал.

1999